

Историческая психология

Женская психология в условиях военного времени: к постановке проблемы

Болтаевский Андрей Андреевич

Российский университет кооперации, Россия

e-mail: Voltaev83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные изменения в обществе, происходящие в переломные моменты эпохи, на примере войн, в первую очередь, Великой Отечественной. В кровопролитных мировых войнах женщины не просто заменили мужчин в тылу, самоотверженно сражались на фронте, их восприятие военного времени было намного более сложным и противоречивым, чем у сильного пола. Советские женщины вынесли на своих плечах весь груз не только военного, но и послевоенного времени, став символом нашей страны. В тоже время сегодня «другая память» о войне по-прежнему находится в тени официальной военной историографии.

Ключевые слова: социальные изменения, женщины, Советский Союз, Великая Отечественная война, психика, восприятие.

Psychology of women in wartime: setting of problem

Boltaevskii Andrei Andreevich

Russian University of Cooperation, Russia

e-mail: Voltaev83@mail.ru

Abstract. The article considers the social changes in society taking place in the crucial moments of the era, on the example of the wars, the Great Patriotic War firstly. In the bloody world wars, women not simply replaced the men in the rear, selflessly fought on the front, their perception of the war was much more complex and contradictory than the stronger sex's one. Soviet women carried on their shoulders the whole burden of not only military, but also

the post-war period, becoming a symbol of our country. At the same time today, "other memory" of the war is still in the shadow of the official military historiography.

Keywords: social changes, women, Soviet Union, The Great Patriotic War, mentality, perception.

Переломные моменты в обществе вызывают глубокие социальные деформации, приводящие к аномии в обществе (термин, введенный Э. Дюркгеймом), а также значительным девиациям. Это происходит не только в революционные бури, но и в военные годы. П.А. Сорокин указывал, что эти моменты «всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот – навыворот», т.е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться «худшие», т.е. людей второго и третьего сорта» [18, с. 434]. В 1931 г. М. Волошин утверждал:

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

Оставим в стороне личностное восприятие двух наших великих соотечественников, отметим, что вопрос социальных девиаций, возникающих в военное время, особенно интересен их постепенным затуханием в мирный период. За примерами здесь далеко ходить не надо. Вспомним, что конец перестроечной эпохи и начало 1990-х гг. были ознаменованы ростом бандитизма, рэкета, наркомании, проституции и т.д., что нашло отражение в фильмах тех, не таких уж далеких от нас, лет (в качестве примера назовем «Интердевочку» П. Тодоровского, «Фанат» В. Феоктистова, «Американ бой» Б. Квашнева, «Игла» Р. Нугманова, «Брат» А. Балабанова»). Однако к концу 1990-х – началу 2000-х гг. произошел сложный, нелегкий поворот к более гуманному обществу, в котором люди уже не стремятся выделяться бесшабашной удалью и не гордятся своей принадлежностью к криминальному или околокриминальному миру. По сути, произошел отказ от субкультуры «малиновых пиджаков», толстых золотых цепей, вычурного поведения. И произошло это не столько и даже не только под влиянием пропаганды: произошел поворот в сознании людей, которые поняли, что свобода предполагает не только безграничность поступков, но и ответственность за свое поведение.

Сходные тенденции можно отметить в революционный период 1917 – 1920 гг. и последовавшее за ним постепенное оздоровление общества [5]. При этом во всех подобных случаях движение к гуманизации начинается снизу, в дальнейшем закрепляясь благодаря политической воле. Это характерно не только для российской традиции. Война 1914 г. приводила к тому, что даже среди интеллигенции, как на фронте, так и в тылу, банальной обыденностью становились бранные слова. Внебрачные связи перед лицом ходящей рядом смерти, как никогда становились привычным делом. Британский поэт А. Хаусман выразил это в следующих строчках:

Я записался в уланы.
Кто не ляжет в постель с храбрецом?
(пер. с англ. М. Десятовой)

В немецком Фрайбурге с августа 1914 по начало 1915 г. число венерических заболеваний выросло в два раза, что сопровождалось ростом наказаний за проституцию [19, С. 413]. Конечно, это не было свойственно исключительно этому городу.

Не первый год в преддверии священного для всех народов нашей страны Праздника Победы на страницах ряда российских изданий, в теле- и радиоэфире начинают раздаваться голоса о массовых преступлениях на освобождаемых территориях Восточной Европы, совершенных бойцами Красной Армии, передаются различные истории о моральном разложении советских воинов в те суровые годы (среди подобных исследований назовем работу Э. Бивора[4]).

Впрочем, информационная война по данным вопросам широко развернулась еще в годы Великой Отечественной. К примеру, в конце 1942 г. командирам советских партизанских отрядов были разосланы пропагандистские письма, которые пытались вбить клин между советским народом и советской властью. В полученном Д.Ф. Райцевым от германской разведки послании утверждалось, в частности, следующее: «Мы не насилуем женщин, не выкалываем глаза, не срезаем уши, как это делают партизаны. Мы не сжигаем безо всякой нужды дома мирных жителей, как это практикуют советчики по приказу Сталина. Наоборот, по приказу Гитлера мы эвакуируем таковых жителей на своих машинах из прифронтовой полосы в безопасный тыл» [17, С. 242]. Эта ложь писалась после кровавых преступлений гитлеровцев в Хатыни, Пирчюписе, Бабьем Яре и т.д. Конечно, Советский Союз так же участвовал в информационной

войне. Здесь уместно вспомнить статью заведующего Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», вышедшую в ответ на опубликованную в «Красной Звезде» 11 апреля 1945 г. статьи И.Г. Эренбурга «Хватит!» Александров указал на характерную ошибку Эренбурга: считать немецкий народ единым целым, каждого немца, безусловно, повинным в преступлениях гитлеризма. Но истина, как всегда, намного сложнее...

Сегодня, когда вновь раздаются попытки сделать из народа-победителя изгой, задача исследователя состоит в том, чтобы не просто разобраться в событиях прошлого (напомним, что уходящие ветераны являются важнейшим источником нарративной информации), но наглядно показать его подрастающему поколению, имеющему порой смутное представление о героических эпохах нашей Родины. Тем более, что знание об этом прошлом определенное время формировалось в молодежной среде по голливудским фильмам (таким, как «Рембо-3», «раскрывающим» поражение Советской армии в Афганистане), явно заинтересованных в иных героях и других идеологических установках.

И Первая мировая (первоначально называвшаяся в народе не только германской, но и Второй Отечественной), и Великая Отечественная война привели к серьезным социальным деформациям в нашей стране. Среди важнейших последствий этого необходимо назвать ломку традиционных семейных ценностей (и в 1914, и в 1941 гг. главную силу армии составляло крестьянство, являющееся основой коллективной памяти), нарушение нормальной половой и возрастной пирамиды, рост числа инвалидов, одиноких женщин и т.д.

Замечательный советский поэт Д. Самойлов отмечал: «Война уничтожила миллионов десять работающих мужиков. Столько же (кто помоложе), демобилизовавшись, до деревни не доехали, а осели в городах, сперва сбоку припека при вдовах и перезрелых невестах, а потом отстроились, поселились, укоренились. И постепенно преобразовались в новый народ...» [14, С. 259] Весьма показательны и строчки из дневника военной переводчицы, выпускницы филологического факультета Ленинградского университета, Ирины Дунаевской: «Уже третий год я на фронте [*запись от 20 мая 1944г., орфография и пунктуация сохранены – автор*]. Я ни морально, ни физически не в силах больше переносить одиночество – я ведь человек и женщина! На войне же все так краткосрочно, что ни о какой обоснованной, серьезной, глубокой близости не может быть и речи, так как уже завтра может не стать человека, который

так или иначе дорог сегодня. Это я уже испытала. Не размениваться же на мелочи. Но и так тоже невыносимо. Неужто я не выдержу! Неужто я не доживу до своей мечты и, не выдержав, разменяю себя на полумысли, полочувства, полустрасти» [9, С. 311]. Одиночество женщин на фронте и в тылу, да и в послевоенные годы стало настоящим бичом повседневной жизни: тоска по сильному мужскому плечу с одной стороны, необходимость не только на работе, но и в семье быть «формальным» мужчиной ставила зачастую огромные психологические проблемы перед миллионами советских женщин. Песня «Русские матери» (слова В. Чурсова, музыка Г. Пономаренко) передает пронзительную боль женщины – матери:

Русские матери, русские матери,
Сколько в войну сыновей вы утратили.
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные,
Матери, русские матери.
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные.

Изучение военной повседневности российскими историками активно начинается совсем не так давно – в советской историографии выделим изданную в 1974 г. работу В.С. Мурманцевой [12], в российской – интересные работы Ю.Н. Ивановой [10], Е.С. Сенявской [15], О.В. Будницкого [6], О.Ю. Никоновой [13], Э.П. Литовой [11]), К. Шайде [20], но вместе с тем в отечественной литературе известен жанр «репортажа с исторического места события», по меткому обозначению А. Адамовича (именно так белорусский исследователь обозначил работу С. Алексиевич «У войны не женское лицо»). Именно после выхода в свет книги С.А. Алексиевич «лик минувшей войны, Отечественной, будет нести в себе значительно большую правду и об этой цене, заплаченной нашим народом за Победу – жизнями, кровью, муками солдатских своих дочерей, сестер, матерей» [1, С. 3].

Г.Д. Запольская так запомнила сложные дни начала Великой Отечественной: «Начальник связи выстроил всех нас. Мы не служили, не солдаты, мы были вольнонаемные. Он говорит: «Вот девчата, началась война жестокая. Вам будет очень трудно, девушкам. И пока не поздно, если кто хочет, можете вернуться к себе домой. А те, кто пожелает

остаться на фронте, шаг вперед»...И все девушки, как одна, шаг вперед сделали. Человек двадцать нас было. Все готовы были защищать Родину» [2, С. 31]. Прославленная летчица, Герой Советского Союза П.В. Гельман писала, что в первые дни войны в военкоматах девушкам отвечали: «Занимайтесь своим делом, а там хватит мужиков. Война – не женское дело» [7, С. 7]. Тем не менее, согласно официальным данным, в годы Великой Отечественной в Красной Армии числились до 800 тыс. женщин [10, С. 256]. Женщины-летчицы (например, полностью женский 46-й гвардейский бомбардировочный авиаполк имел лирическое именование «ночные ведьмы»), женщины-снайперы (Н.В. Ковшова, А.Н. Молдагулова и сотни других), женщины-санструкторы, женщины-связистки, женщины-повара...

Юлия Друнина в поэтической форме пронзительно выразила этот благородный порыв:

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать».
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не смогла сыскать...

Ей вторит, но уже в прозаической форме, другой наш замечательный поэт, Д. Самойлов: «Мы, мужчины сороковых годов, воспитанные железной суровостью тридцать седьмого года, прошедшие сквозь ужас и кровь войны, видевшие смерть друзей, познавшие месть, привыкшие спать на могилах и спать рядом с трупами, отвыкшие от домов, ожесточившие сердца, почти равнодушные ко всем тревогам – мы становимся бессильны перед нежностью, внушаемой женщиной» [14, С. 354]. Он же, осмысливая взаимоотношения между мужчиной и женщиной в военную пору, заметил: «Никакого римского падения нравов нет. Просто бабья тоска по мужикам» [14, С. 367]. А Т.С. Беляева свидетельствует, что «обычно все девушки нашей части свои фронтовые сто грамм отдавали парням» [3, С. 230].

Да, именно в условиях военной поры происходила активная ломка традиционных семейных ценностей, что приводило к многочисленным случаям адюльтера, появлению феномена «фронтовых жен» и т.д. Так,

один из участников Первой мировой войны, прапорщик В.К. Ананьев размышлял: «Почему-то теперь у всех установился взгляд, что сестры мил[осердия] ведут себя чрезвычайно скверно и показали себя с самой худшей стороны. Отчасти это и правда, ведь было время, что в сестры брали чуть ли не кого попало. А что это за невесты из сестер появились даже у высшего нач[альст]ва в д[ействующей] армии. Неужели солидные люди, имеющие такие звания, еще не женаты. И вдруг на старости лет в д[ействующей] армии вздумали отыскать невесту. А сколько молодых офицеров женилось на сестрах в лазаретах – почему? Правда, есть такие женщины, которые самовольно надевают костюм сестры и, конечно, срамят его. Да! Картина не из важных. Конечно, не все таковы – есть сестры, которые действительно исполняют свой святой долг отлично» [8, С. 198] (пунктуация и орфография автора сохранены).

Жесткие слова участника германской войны можно дополнить литературным очерком С.А. Крутилина в цикле о сельской жизни «Липяги» под названием «Баллада о сельском колодце», события в котором происходят уже в годы Великой Отечественной. Жена ушедшего на фронт солдата всю войну ждала его, несмотря на тяжесть жизни одинокой матери в деревне, не отвечала на предложения бригадиров. И вот сбылась долгожданная мечта, муж вернулся с войны. Но вернулся он не один, а с фронтовой подругой: «Познакомься, Груня, Наташа — мой боевой товарищ... Жизнью своей обязан ей...» Не выдержала женщина, утопилась в колодце... Трагическая ее участь выражает тяжелую долю женщин, на своих плечах вынесших все тяготы военной години и послевоенных лет. Несмотря на это, они с честью преодолели все трудности и преграды, став настоящим символом нашей страны.

К.М. Симонов в стихотворении «Лирическое» (1942 г.) так выразил отношение бойцов Красной армии к фронтовым подругам:

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали — милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих

Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Подводя итог, хотелось бы закончить словами одного из ветеранов: «Надо ли было пускать девушек на войну? Не знаю... Но они были на войне и сделали великое дело. Они, как и мы, носили кирзовые сапоги, тяжелые шинели, спали на снегу» [2, С. 79]. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов. Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал», свидетельствовала санинструктор В.О. Корж [16].

Советские женщины достойно проявили себя в тяжелейших военных условиях, как на фронте, так и в тылу, став подлинным символом победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Неотъемлемыми спутниками того времени были социальные девиации, вызванные, как гендерной деформацией, так и жесткостью правящего режима. В отличие от мужчин, женщины острее переносили разлуку, для них военное время стало поиском новых ориентиров, в том числе внимания к *мужчине*, как другу и защитнику (отметим, что, по словам С.А. Алексиевич, большинство ее собеседниц уклонялась от ответа на вопрос о сексуальных отношениях во время войны [13]).

Участников и свидетелей повседневного подвига становится все меньше, в связи с чем, на наш взгляд, необходимо развернуть серьезную подготовительную работу по сбору коллекций воспоминаний женщин о тех нелегких и сложных годах. К данной работе следует привлечь квалифицированных психологов, которые смогут помочь воссоздать психологическую панораму ушедшей эпохи, проанализировать именно женскую военную психологию.

Список литературы:

1. Адамович А. Две книги одного жанра // Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Повести. М.: Советский писатель, 1988. С. 3-10.
2. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Повести. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
3. Беляева Т.С. Дорогами мира и войны. М.: Московский учебник и Картолитография, 2007. 256 с.
4. Бивор Э. Падение Берлина. 1945 / пер. с англ. Ю.Ф. Михайлова. М.: АСТ, 2004. 622 с.
5. Болтаевский А.А., Прядко И.П. Парадигмы отечественной интеллектуальной культуры и становление рациональности российского общества в 1910-30-е гг. М.: Спутник-плюс, 2015. 112 с.
6. Будницкий О.В. Мужчины и женщины в Красной Армии (1941 – 1945) // Cahiers du Monde Russe. 2011. № 52 / 2-3. С. 405-422.
7. Гельман П.В. О боях, пожарищах и друзьях-товарищах... М.: Московский университет, 1995. 45 с.
8. «Господи, скоро ли кончатся наши муки»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисловие, составление и комментарии К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-история, 2014. С. 137-215.
9. Дунаевская И.М. От Ленинграда до Кенигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 440 с.
10. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 272 с.
11. Литова Э.П. Женское лицо войны // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2010. № 28. С. 325-329.
12. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: «Мысль», 1974. 293 с.
13. Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 282-286.
14. Самойлов Д. Сороковые роковые. Стихи и проза о войне / Сост. А. Давыдов, Г. Евграфов. М.: Галерея, 2015. 456 с.
15. Сенявская Е.С. 1941 – 1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт Российской истории РАН, 1995. 220 с.

16. Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 382 с.
17. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2002. 352 с.
18. Сорокин П.А. Современное состояние России // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 418-490.
19. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / пер. с англ. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 604 с.
20. Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941-1945 гг.) // AbImperio. 2004. №3. С. 1-26

References:

1. Adamovich A. Dve knigi odnogo zhanra // Aleksievich S.A. U vojny ne zhenskoe lico. Povesti. M.: Sovetskij pisatel', 1988. S. 3-10.
2. Aleksievich S.A. U vojny ne zhenskoe lico. Povesti. M.: Sovetskij pisatel', 1988. 368 s.
3. Beljaeva T.S. Dorogami mira i vojny. M.: Moskovskij uchebnik i Kartolitografija, 2007. 256 s.
4. Bivor Je. Padenie Berlina. 1945 / per. s ang. Ju.F. Mihajlova. M.: AST, 2004. 622 s.
5. Boltaevskij A.A., Prjadko I.P. Paradigmy otechestvennoj intellektual'noj kul'tury i stanovlenie racional'nosti rossijskogo obshhestva v 1910-30-e gg. M.: Sputnik-pljus, 2015. 112 s.
6. Budnickij O.V. Muzhchiny i zhenshhiny v Krasnoj Armii (1941 – 1945) // Cahiers du Monde Russe. 2011. № 52 / 2-3. S. 405-422.
7. Gel'man P.V. O bojah, pozharishhah i druz'jah-tovarishhah... M.: Moskovskij universitet, 1995. 45 s.
8. «Gospodi, skoro li konchatsja nashi muki»: dnevniki praporshhika K.V. Anan'eva // Pervaja mirovaja: vzgljad iz okopa / Predislovie, sostavlenie i kommentarii K.A. Pahaljuka. M.; SPb.: Nestor-istorija, 2014. S. 137-215.
9. Dunaevskaja I.M. Ot Leningrada do Kenigsberga. Dnevnik voennoj perevodchicy (1942–1945). M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010. 440 s.
10. Ivanova Ju.N. Hrabrejshie iz prekrasnyh. Zhenshhiny Rossii v vojnah. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2002. 272 s.

11. Litova Je.P. Zhenskoe lico vojny // Sbornik nauchnyh trudov vuzov Rossii «Problemy jekonomiki, finansov i upravlenija proizvodstvom». 2010. № 28. S. 325-329.
12. Murmanceva V.S. Sovetskie zhenshhiny v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: «Mysl'», 1974. 293 s.
13. Nikonova O.Ju. Zhenshhiny, vojna i «figury umolchanija» // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2005. № 2-3. S. 282-286.
14. Samojlov D. Sorokovye rokovye. Stihi i proza o vojne / Sost. A. Davydov, G. Evgrafov. M.: Galerija, 2015. 456 s.
15. Senjavskaja E.S. 1941 – 1945. Frontovoe pokolenie: Istoriko-psihologicheskoe issledovanie. M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 1995. 220 s.
16. Senjavskaja E.S. Psihologija vojny v XX v. Istoricheskij opyt Rossii. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 1999. 382 s.
17. Sokolov B.V. Okkupacija. Pravda i mify. M.: AST-PRESS-KNIGA, 2002. 352 s.
18. Sorokin P.A. Sovremennoe sostojanie Rossii // Sorokin P.A. Obshhedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let. M.: Nauka, 1994. S. 418-490.
19. Hejstings M. Pervaja mirovaja vojna. Katastrofa 1914 goda / per. s angl. M. Desjatovoj. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 604 s.
20. Shajde K. Kollektivnye i individual'nye modeli pamjati o «Velikoj Otechestvennoj vojne» (1941-1945 gg.) // AbImperio. 2004. №3. S. 1-26

Сведения об авторе:

Болтаевский Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины и иностранные языки», Российский университет кооперации (Россия)